

В.В. БАЗАРОВА

ОПЫТ УНИФИКАЦИИ ЯЗЫКОВ В БУРЯТ-МОНГОЛИИ В 1920–1930-е гг.

Культурно-исторические преобразования 1920–1930-х гг. в СССР, вне всякого сомнения, — важная страница в истории цивилизации. Именно этот краткий исторический период является важнейшим феноменом общественного прогресса, обусловленного фундаментальной ролью науки, культуры и образования. На глазах у всего мирового сообщества страна сумела выйти на передовые позиции в основных сферах материального и духовного производства. Эти достижения стали возможны, благодаря исключительной социальной мобилизации всех народов страны, достигаемой самой высокой ценой, в том числе издержками и потерями. Время, прошедшее с периода социальных экспериментов 1920–1930-х гг., показало, что вовлечение больших слоев населения в процесс управления государством даст свои результаты при условии, что эти слои населения образованны и со знанием дела будут работать над совершенствованием общества. Длительная полоса культурно-исторической модернизации общества, более известная как «культурная революция» в СССР, несмотря на крупные политические и социальные издержки, по-прежнему нуждается в глубоком и всестороннем анализе, особенно в конструктивных структурных компонентах.

Среди большой группы вопросов мы хотели бы остановиться на изучении опыта государственной языковой политики, без осуществления которой не могло быть и речи о национально-государственном строительстве, в рамках которого и осуществлялись все провозглашенные преобразования. Язык является самым мощным социальным средством сплочения людей в этнические группы. Территория, религия, культура и экономические интересы играют свою непреходящую роль в формировании национальной идентичности, но именно язык лучше всего выражает идею коллективности и придает черты психологической, духовной общности сообществу отдельных индивидов. Язык народа есть важнейший компонент его национальной культуры, который формируется вместе с образованием этноса, являясь одновременно предпосылкой и условием его существования. Поэтому неудивительно, что в процессе обретения нациями своей реальной государственности, языковая политика самым активным образом служит достижению данной цели. Но если ретроспективно оценить языковую ситуацию в стране накануне и после этапного поворота общества в первые десятилетия XX в., то следует обратить внимание на ее исключительную пестроту и мозаичность. Однако, продвижение по пути прогресса, совпавшее с лозунгами интернационального государства трудящихся, потребовало достижения общего уровня развития. В таких условиях было необходимо

найти общие формулы развития и выстроить модели осуществления языковой политики.

Особенно актуальной была проблема письменности. Дело в том, что Российская империя, а затем Советское государство унаследовали в своем составе подавляющее большинство языковых семей мира в том первоизданном состоянии, в котором они вошли в общее пространство на этапе присоединения к России: огромное количество диалектного разнообразия. К тому же этносы, имевшие письменные системы, отличались многовариантностью, продиктованной своеобразием исторического развития. Ввиду того, что в стране создавалась новая политическая система, провозглашавшая национально-государственное переустройство в рамках единого государства, требовалась унификация письменности как системы графических знаков. В числе множества рассматривавшихся ранее вариантов предпочтение отдавалось латинизации письменности.

Латинизация письменности в 1920–1930-х гг. являлась важнейшим компонентом официальной государственной языковой политики и продолжением курса на революционное преобразование общества. Модернизация письменности, проводимая с невиданным размахом, соответствовала природе политической доктрины Советского государства и правящей Коммунистической партии, стремившихся контролировать все сферы общественной жизни. Именно осуществление латинизации помогло Советскому Союзу экспериментально отработать переход общества к унифицированному алфавиту кириллицы и найти основу единства для подавляющего большинства языковых семей СССР.

Актуальность темы исследования повышается и в силу того обстоятельства, что в последние годы серьезные изменения произошли во многих этноязыковых сообществах мира. Но, пожалуй, их наиболее ярким воплощением явились изменения в республиках бывшего Советского Союза, где многочисленные трудности посткоммунистической трансформации сделали процессы демократических преобразований исключительно сложными, где существует вероятность возврата к старым, уже изжившим себя, методам общественной организации, что естественным образом накладывает на языковую ситуацию особый отпечаток, что может иметь далеко идущие последствия для международной безопасности. Поэтому изучаемый нами опыт культурно-исторических модернизаций в языковом строительстве имеет непреходящее значение, поскольку человечество всегда будет искать точки сближения в активно интегрирующемся пространстве. В этой связи надо отметить, что большинство стран мира многонационально по составу. Согласно некоторым оценкам, в 184 независимых государствах мира имеется 600 языковых и 5000 этнических групп. Практически нет стран, где граждане пользовались бы единственным языком или принадлежали бы к одной этнонациональной группе. Любое государство, национально-территориальное образование не может полноценно функционировать без языка. Соответственно, нет реально функ-

ционирующего национального языка без государства — отсюда возникло и понятие «государственного языка». Каждому обществу приходится решать чисто прагматическую задачу установления языка-посредника для общения, а именно официального (государственного) языка для элементарного ведения дел (работы правительства, управления вооруженными силами, функционирования судебной системы, производственной сферы, коммерческих операций, торговли и т.п.), что удается сделать без каких-либо осложнений в условиях относительного монолингвизма.

Однако в многонациональных обществах языковая политика отличается особой сложностью, так как в данном случае должны учитываться многие факторы: типологические характеристики этнических групп, способы их интеграции в государство, специфика межнациональных отношений, роль автохтонного языка и его носителей в общественно-политических процессах. Более того, в условиях реформирующегося государства постсоветского типа, т.е. с известным тоталитарным наследием, выбор определенного языка в качестве официального может привести к языковому конфликту, который может сильно усугубиться причинами исторического характера и, самое главное, неприятием языка-посредника иноязычными этническими группами. Следовательно, изучение мирового опыта проведения языковой политики в многонациональных обществах представляется важным и необходимым для оптимизации межнациональных отношений, как в Российской Федерации, так и в других республиках бывшего Советского Союза.

Изучение процессов языкового строительства в Бурят-Монгольской АССР в первые десятилетия XX в., от реформирования старомонгольской письменности до введения кириллизированного письма, показывает, что оно имело ряд особенностей выделяющих его из общего ряда подобных процессов латинизации письменности на территории Советского Союза. Развитие движения за реформирование алфавита, как в России, так и в Бурят-Монголии было вызвано как идеологическими, так и политическими причинами — необходимостью обеспечения нации удобным и приспособленным для бурятского языка алфавитом, способностью его гибкого функционирования в рамках политэтнического пространства страны, а также потребностью массового потребления широкими слоями населения. Целесообразность реформирования письменности диктовалась общей потребностью бурятской нации, связанной с необходимостью более широкого выхода на культурно-историческое пространство Советского Союза. Советский Союз проявлял заинтересованность в выравнивании социально-культурного уровня народов, имевших небольшой задел и потенциал саморазвития. Целая полоса культурно-исторической модернизации страны в 1920–1930-х гг., получившая в исторической литературе название «культурной революции», обозначала крупный рывок всем населением страны в освоении нового цивилизационного пространства. Это крупное преобразование, роль и значение которого

трудно переоценить, могло произойти только в условиях общего согласованного ритма, темпа, мотивации, системности. Общность языковой картины этого стремительного движения должна была дополнять единое пространство цивилизационного скачка. Поэтому модернизация письменности соответствовала глубинной основе крупнейшего социального эксперимента, с одной стороны, и фундаментальным задачам духовных преобразовательных задач этносов, с другой стороны.

Идея реформирования бурят-монгольской письменности была сформирована задолго до революции 1917 г. и вынашивалась передовой интеллигенцией в разных вариантах. Таким образом, после Октябрьской революции в решении вопроса об основе нового бурят-монгольского литературного языка особую роль сыграла идея культурной и языковой общности монголоязычных народов. Партийно-государственные совещания, практика политической работы, интенсивная работа научных и образовательных учреждений направлялись на достижение этой цели. В этом едином настроении просматривается и инстинктивное стремление к сохранению самобытности традиционного образа жизни, и стремление к самоидентификации в крупном историческом пространстве, и геополитические устремления элит, и активное согласие с этим верховной власти страны.

Определение конкретных путей в осуществлении языкового строительства в Бурятии оказалось делом политически и практически важным и довольно сложным. Сложность этой работы заключалась в создании более совершенной письменности и нового, отвечающего современным требованиям, литературного языка. Кроме этого, обстановка осложнялась неразвитостью социально-политических и экономических составляющих общества и недостаточной подготовленностью масс к решительным историческим поворотам. Однако эта инертность массы преодолевалась жесткой мобилизующей твердостью и активностью власти.

Поиски путей решения этой проблемы привели к тому, что в 1920-х гг. традиции единого для монгольских народов старописьменного языка были успешно продолжены, и в Бурятии начал создаваться во многом общий с халха-монголами обновленный литературный язык на старомонгольской основе, ориентированный на восточно-бурятские говоры. Так, в результате длительных дискуссий была достигнута первая договоренность в обществе по главной фундаментальной проблеме языкового строительства в Бурят-Монгольской АССР. Это и явилось основным фоном для модернизации письменности, набравшей обороты на огромном пространстве Советского Союза.

Идея реформирования бурят-монгольской письменности была сформулирована задолго до революции 1917 г. и вынашивалась передовой интеллигенцией в разных вариантах. Старомонгольское письмо, унаследованное с древнейших времен, не раз подвергалось реформированию, приобретало более стройные и логичные характеристики. Однако потребности общества, более интенсивный характер общечеловеческого

взаимодействия, а также научный и технологический прогресс второй половины XIX в. поставили на очередь дня проблему более четкого формирования не только новой терминологии и словарного запаса, но и саму логику понятийного аппарата этносов, которая должна была идентифицироваться в интегрированном пространстве. Сама логика реформирования с ее стремлением к интернационализации социально-экономической жизни и цивилизационного пространства требовала значительного упрощения графической системы, нивелирования ее в общем множестве языков мира. На период нарастания системного кризиса Российской империи новаторами языковых реформ была выдвинута идея латинизации письменности, как универсального механизма языкового взаимодействия. Российская империя, а затем Советский Союз явились удивительно привлекательной и уникальной экспериментальной площадкой предстоящих социально-культурных экспериментов. Для их осуществления имелись все необходимые предпосылки, связанные с гигантской полиэтничностью страны, наличием политических сил, стремящихся к преобразованиям, стремлением ее основных движущих сил к революционному прогрессу.

В деле модернизации письменности и формирования нового языкового ландшафта страны сыграли свою роль и устремления руководящей элиты государства, и мобилизованные силы национальной интеллигенции центра и этнических регионов, локализованных в соответствующих научных центрах и общественных организациях. В реформировании бурят-монгольской письменности видную роль сыграли научные и общественные организации — Бурятский ученый комитет (Буручком), общество им. Д. Банзарова, а также партийные организации и правительственные учреждения. Таким образом, реформа письменности осуществлялась при сочетании научной проработки и оценке вопроса со значительным административным ресурсом. Однако, первый этап согласования реформы не принес ожидаемых результатов, поскольку основные группы населения оказались не готовы к системному восприятию латинизации как универсального средства перехода к новым языковым взаимодействиям. Непроработанность вопроса о самом функционировании языка, его наречиях, уровне развития, судьба унаследованных традиций Центральной Азии — вот далеко не полный перечень поднятых вопросов, затормозивших развитие реформы. Ввиду этого, реформирование письменности должно было пойти рука об руку с вопросом развития самого языка, утверждения его единых параметров в исключительно большом диапазоне диалектно-разнообразия, неразвитости лингвистических норм и правил.

Для выработки правильных ориентиров развития языка и письменности был выбран метод широкой дискуссии, позволившей прийти к оптимальным формулам государственной языковой политики. В основу этой политики легло выравнивание общего ландшафта в языковой составляющей этнической Бурятии на основе широкого введения образовательных технологий — от ликвидации неграмотности до создания

профессиональных учебных заведений. Кроме того, использовались специфически партийные методы работы, связанные с активным убеждением населения, и административным нажимом, способствовавшим более высокому уровню социальной мобилизации населения. Поднятые вопросы коренизации государственного аппарата повысили престижность языка, сферу его применения, усилили государственный статус. Это позволило отнести к вопросам языкового строительства, переходу на новую письменность как задаче государственного значения, что должно было усилить предложенные реформы.

В коренном переломе общих настроений реформирования письменности значительную роль сыграли авторитетные российские структуры, каковыми являлись Общество Нового Алфавита и Академия Наук СССР. Высокий моральный авторитет этих организаций, реальная поддержка советского государства усилили позиции в пользу реформирования письменности. Значительный опыт этих организаций, которые курировали развитие языкового строительства подавляющего большинства национальных регионов страны, позволили активистам реформирования бурятского языка найти правильные решения в более короткий срок, перейти к устойчивой разработке фундаментальных вопросов бурятского языкознания. Решение комплекса вопросов, связанных с самоидентификацией языка, пределов его функционирования, и системное обеспечение его составляющих основ позволили четко сформировать основу бурятского языка как научной дефиниции. Бурятский язык получил такую высокую степень эмансипации, что мог заявить о себе как самостоятельной единице в языковой картине мира. Это, в свою очередь, позволило параллельно перейти к реформированию письменности.

Однако, осуществление курса на реформирование письменности на латинизированной основе столкнулось с большими трудностями, значительная часть которых была связана с простым непониманием новой графики. Несмотря на попытку реформаторов свести эту проблему к недостаткам организационно-политической работы, рядовому саботированию курса реформ инерция культурно-исторического развития не преодолевалась даже с помощью административно-командных методов. Использование идейно-политических мотивов для реформирования письменности, возведение ее в ранг классовой борьбы против остатков эксплуататорского строя незначительно стимулировало активность языкового строительства. Только привлечение значительных материальных активов, развитие издательской деятельности, фактический запрет старомонгольской письменности позволили создать вакуум для регрессивных настроений и продвинуть латинизированную письменность к более широкому кругу потребителей. Принятые меры существенно повысили значимость новой письменности, которая все более стала приниматься на вооружение в пространстве монгольской языковой семьи, послужила своего рода маяком дальнейшего прогресса.

Латинизация способствовала выделению бурятского языка в самостоятельную единицу в процессе языкового строительства. Этот процесс сопровождался созданием самостоятельной основы нового бурят-монгольского литературного языка, его новой орфографии, терминологии, грамматического строя языка и словарного состава, формированием системы функциональных и речевых стилей. К тому же, в результате продолжительных дискуссий был взят за основу литературного языка его хоринский диалект, позволивший создать в тот период ядро национальной бурятской культуры, закрепить ее результаты. Это позволило начать на новой основе восстанавливать культурные достижения народа, заложенные в корнях народных традиций. Только созданная модель языковой структуры и новых функций позволили ему приобрести конкурентное место в языковой картине страны и мира, утвердиться в профессиональной художественной культуре, науке, образовании, издательских и информационных системах того времени. Это дало, хоть на короткое время, возможность идентифицировать, в большей степени, собственную этничность. В результате этого бурятский язык приобрел необходимый уровень и опыт для последующих трансформационных процессов.

Реформирование письменности монгольских народов не получило логического завершения, поскольку трудный путь латинизации был прерван репрессивной политикой государства и правящей политической элитой. К сожалению, период плюрализма языковых экспериментов и культурно-исторических модернизаций был завершен в пользу новых формул кириллизации письма. Трагические события 1937–1938 гг. болезненно сказались на судьбах бурятского языка, приобретающего самостоятельные параметры развития, ввиду того, что значительная часть национальной интеллигенции, специалистов-ученых прекратили свою работу, а большая их часть ушла из жизни. В результате из суммы исторических случайностей сложилась цепь причин, повлекших значительный регресс бурятского языка как в сфере функционирования, так и становления его на самостоятельной основе. При первой смене алфавита старомонгольская письменность в угоду латинизирующей реформе была названа ламаистско-дацанской и панмонгольской, предана забвению. Переход к латинизированной письменности совпал с трагическими событиями второй половины 1930-х гг. и завершился без всякого логического объяснения. Потребовался длительный период освоения новой графики с приспособлением к нему многих правил и норм функционирования языка. Кроме того, за короткий период трижды сменился официальный опорный диалект бурятского языка. Учитывая недостаточную развитость литературного языка как системной основы всего этноса, тем более в условиях глобализирующегося общества, можно оценить негативные последствия для национальной культуры. При этом необходимо отметить, что переход к кириллице имел прогрессивное значение, ее усвоение оказалось более плодотворным, поскольку сказались глубинные исторические основы давнего многовекового межкультурного взаимодействия и общежития народов.